

ЧЕХОВ В КОРЕЕ

I. ОБЗОР В. ЛИ

В статье “Антон Чехов”, посвященной пятидесятилетию со дня смерти писателя, корейский драматург Ким Сынгу, вспоминая свое первое знакомство с творчеством Чехова, пишет о том, как небезопасно было в начале 30-х гг. держать на полке книги его произведений¹.

Воспоминания Ким Сынгу относятся к тому времени, когда японские власти накануне развязывания агрессивной войны на материке² активизировали преследование деятелей демократической культуры, усилили надзор цензуры за печатными изданиями. Чтение книг русских и советских авторов тогда было запрещено, т.к. они считались “вредными” для корейского народа.

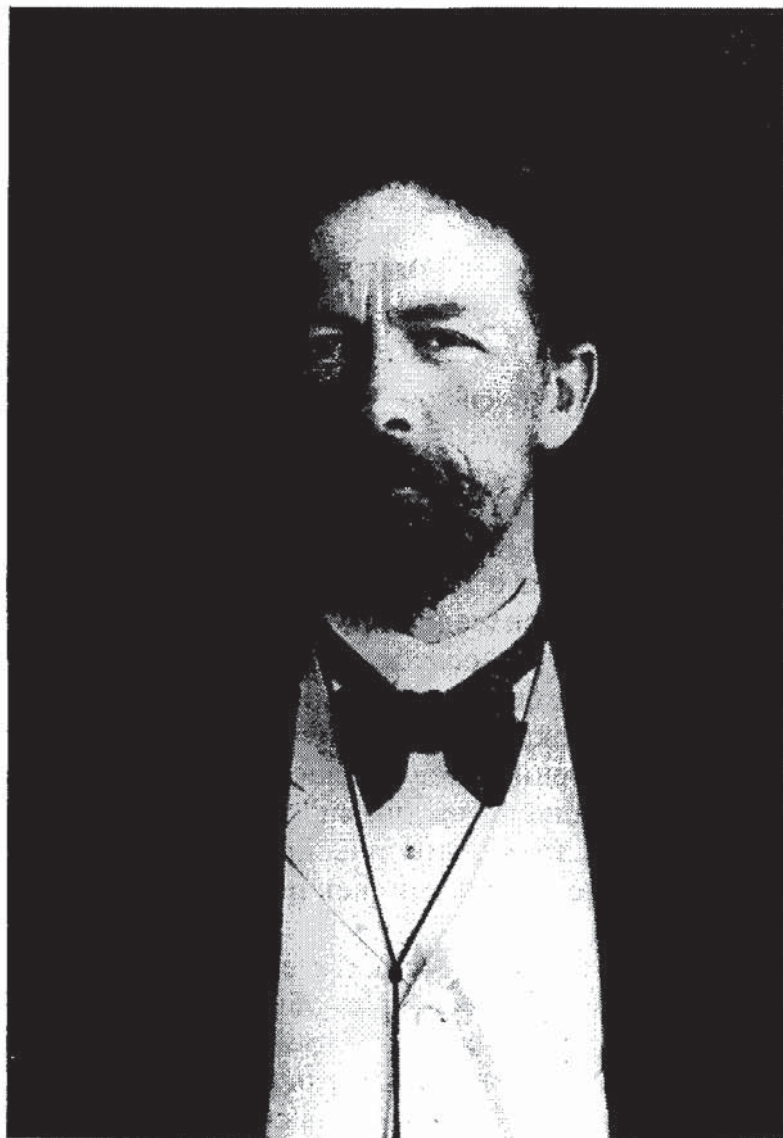
С творчеством Чехова, также как и с произведениями других русских классиков, корейцы впервые познакомились по японским переводам в начале XX столетия.

Социальная острота русской классики и ее художественные достижения очень привлекали корейцев. Литературно-общественные журналы открыли даже специальный раздел “Обозрение русской литературы”. Известно также, что в начале века некоторые русские писатели сами направляли в Корею свои сочинения. Например, Чехов в 1897 г. послал сборники своих произведений в Корею по просьбе общественной библиотеки русской колонии в Сеуле (в архиве Чехова сохранилось письмо с благодарностью за полученные книги — РГБ. Ф. 331. 36. 68).

В 1910 г. в журнале “Сонен” (“Юность”) в переводе ныне хорошо известного писателя Хон Мёнхи впервые были напечатаны басни Крылова. Еще раньше, с конца XIX в., в газетах и журналах появляются статьи о Л. Толстом, а с 10-х гг. Толстой становится одним из популярных в Корее русских писателей. В эти годы переводились многие произведения Толстого, делались адаптации его рассказов. В 1914 г. в журнале “Чхончхун” (“Молодость”) появился перевод романа “Воскресение”, а затем по роману была сделана инсценировка, пользовавшаяся большой любовью среди зрителей. В том же году корейские читатели впервые познакомились с романом Тургенева “Накануне”.

В 20-х гг. вышли переведенные на корейский язык романы “Война и мир” и “Анна Каренина”, широкую известность получает трактат Толстого “Что такое искусство?”. Особенно популярными тогда стали в Корее Тургенев и Чехов. По словам корейских литературоведов, роман “Отцы и дети” Тургенева был любимым произведением молодежи 20-х гг., а творчество Чехова служило “живым образцом для корейских писателей”³.

В 1920 г. журнал “Согван” (“Заря”) напечатал биографию Чехова под названием “Гениальный русский писатель Чехов” и несколько переводов его произведений: “Каштанка”, “Три сестры”, “Беглец”, “Ионыч”. Затем различ-

А.П.ЧЕХОВ

Фотография

1900

ные органы демократической печати издают повести “Степь” и “Палата № 6”, рассказы “Смерть чиновника”, “Унтер Пришибеев”, книгу “Остров Сахалин”, пьесы “Вишневый сад” и “Медведь”.

В середине 20-х годов несколько рассказов Чехова вошли в сборник переводов рассказов иностранных писателей, а затем сборник его рассказов вышел и отдельным изданием^{1*}.

«Еще до освобождения, — пишет корейский драматург Син Госон, — на сценах страны корейский зритель видел пьесы “Медведь” и “Вишневый сад”. Конечно, в условиях жестокого колониального господства японских империалистов театральное искусство Кореи не могло получить свободного развития: на низком уровне было мастерство актеров, оформление спектаклей, а главное, было очень трудно правильно воссоздать жизнь России, воплотить чеховский мир с должной глубиной. Однако и в этих условиях наш зритель в достаточной мере ощутил творческий пафос бессмертных произведений»⁴.

^{1*} См. об этом подробнее на с. 159–160.

После освобождения страны Советской армией от японской оккупации в августе 1945 г. все запреты на издание сочинений русских классиков, в том числе Чехова, были сняты. В центральной периодической печати публикуются рассказы Чехова, издательства выпускают сборники его произведений.

Вспоминая об этом периоде, известный литературовед и критик Юн Сепхён в статье “Влияние русской и советской литературы на развитие нашей литературы” пишет:

«“Смерть чиновника”, “В бане”, в которых обличаются мещанство, пошлость и обывательщина в жизни России 80-х гг. прошлого века, “Дуэль”, “Дом с мезонином”, рисующие идейные искания русской интеллигенции и разоблачающие мещанскую психологию, либерально-народнические иллюзии, “Палата № 6”, убедительно отражающая самодержавно-полицейский режим, “Мужики”, “В овраге”, в которых писатель реалистически показывает рост буржуазных отношений в городе и в деревне России, обнищание крестьянства, разложение дворянско-помещичьего строя, и многие другие произведения Чехова полюбились нашим читателям»⁵.

В 1948 г. Государственный драматический театр Кореи осуществил постановку пьесы Чехова “Предложение”, а в 1954 г., в год пятидесятилетия со дня смерти писателя, — “Юбилей”. Спектакли пользовались большим успехом у зрителей. Об этом так писал Син Госон:

«Каждый спектакль “Предложения” и “Юбилея” сопровождался громким смехом. Однако за этим веселым смехом чувствовалось что-то другое, болью отдающееся в сердце. Это была та грусть, которая таится в насмешке над алчностью и подлостью, — острое ощущение глубокого понимания Чеховым человеческой природы, его любви к человеку»⁶.

К 50-летию со дня смерти Чехова было также приурочено издание “Избранных произведений Чехова” в 4-х томах. Первый том вышел в 1954 г., а остальные три тома — в 1955–1956 гг. Сюда включены рассказы, повести, драмы — всего 67 произведений. Публикация была осуществлена на основе советских изданий сочинений Чехова. В 1954 г. отдельной книжкой была выпущена пьеса “Вишневый сад”.

В этом же году издательство Союза писателей КНДР переводит некоторые труды советских исследователей творчества Чехова, в частности, книгу В.Ермилова “Драматургия Чехова”. Правда, эта книга была напечатана не полностью (только те части, которые были посвящены “Трем сестрам” и “Вишневому саду”). В предисловии к изданию сказано: “Чехов является гордостью советского театрального искусства, многие драматурги, режиссеры и артисты мира совершенствовались и совершенствуют свое мастерство, опираясь на его драматургическое творчество”⁷. В этом же году в журнале “Чосон мунхак” (“Корейская литература”, орган Союза писателей КНДР) под рубрикой “К пятидесятилетию со дня смерти Чехова” были опубликованы переводы статьи З.Паперного “В человеке все должно быть прекрасно” и рассказа Чехова “Чтение”, а также две статьи корейских писателей: Кима Сынгу — “Антон Чехов”, Кима Енсока — “Вечно живой Чехов”.

Ким Сынгу в названной нами статье пишет: «...Это было более двадцати лет назад... Однажды в одном театре я смотрел постановку пьесы “Вишневый сад”, и передо мной как-будто открылся ранее неведомый мир, меня увлек мир чеховских произведений»⁸. И далее: “Для меня, робко делающего первые шаги в литературе, мир чеховских произведений явился настоящим откровением <...> Антон Чехов был и остается моим учителем”⁹.

Анализируя творчество писателя, Ким Сынгу утверждает: “Безусловно, в произведениях Чехова нельзя увидеть, как, скажем, в произведениях Горько-

го, прямого выражения сопротивления против угнетения, резкого протеста против зла. Чехов — как озеро, светлый и тихий. Однако в его произведениях мы слышим голоса людей, ратующих за новую жизнь в условиях мрачной действительности дореволюционной России, видим, как они протестуют против произвола, растаптывающего таланты и счастье людей”¹⁰. Эту мысль автор подкрепляет краткой характеристикой “Вишневого сада”, “Трех сестер” и “Палаты № 6”.

«В пьесе “Вишневый сад”, — пишет он, — Чехов с помощью звуков от удара топора, рубящего дерева, донес до зрителей последний вопль аристократического сословия, обреченного на гибель. А посредством образа Трофимова он показал порывы честных людей России к новой жизни и их веру в победу.

В “Трех сестрах” в образе Маши писатель воплотил душевную красоту и силу русской женщины и одновременно выразил нестерпимую ненависть к тем мерзким людям, которые окружают ее и заставляют это прекрасное существо безысходно метаться, волноваться и страдать.

А в “Палате № 6” с болью в сердце мы видим, как моль разъедает прекрасные молодые души»¹¹.

Свои размышления Ким Сынгу завершает такими словами: “прошло 50 лет с тех пор, как умер Антон Чехов, который своим незаурядным талантом значительно обогатил русскую литературу XIX в. Однако его произведения, как жемчуг, продолжают быть с нами, они являются бесценным наследием не только для советской литературы, но и для литературы прогрессивных народов всего мира. Литературный талант Чехова будет жить вечно, и он сыграет определенную роль в развитии нашей корейской литературы”¹².

В статье “Вечно живой Чехов” критик Ким Енсок пишет, что читая произведения Антона Чехова, мы невольно вспоминаем дореволюционную Россию XIX в. «Перед нашим взором проходит разноликая городская публика. Они идут по темным и мрачным улицам, распространяя едкий запах дешевой водки, при этом они все время о чем-то бормочут. У них уже нет интереса дальше жить в этом обществе. Все они, — словно больные лихорадкой, измученные и охваченные страхом, — спешат домой и крепко запирают за собой двери. Им не мил этот мир... Они, как рыбы в мутной воде. Сидят тихо на кровати, прислонившись спиной к стене, иногда тяжело вздыхают и думают, когда же кончится эта жизнь. Скука невозможная. Царская Россия напоминает знаменитое чеховское произведение “Палата № 6”»¹³. Пассивность, бездеятельность, страх, по мнению автора статьи, воплощают и герои произведений “Скучная история”, “Человек в футляре”, “Смерть чиновника”. Имея в виду эти черты, продолжает Ким Енсок, “буржуазные литераторы и искусствоведы называли Чехова писателем-пессимистом или же безучастным фотографом событий, но это — результат поверхностного, неправильного толкования творчества великого писателя, ибо Чехов был патриотом, он бесконечно любил русский народ и от души желал ему счастливой, полнокровной жизни”¹⁴. Поэтому он «с ненавистью писал о тех, кто, боясь сильного ветра, стремился как можно глубже забиться в “футляр”, беспощадно критиковал жестокое русское общество в “Палате № 6”»¹⁵. “Имя А.П.Чехова и многочисленные его произведения живут вместе с нами”¹⁶, — заключает автор свою статью.

В 1955 г. в КНДР отмечалось 95-летие со дня рождения Чехова. Были организованы книжные выставки, в кинотеатрах демонстрировались советские художественные фильмы, созданные по произведениям Чехова: “Попрыгунья”, “Шведская спичка”, “Медведь”.

ВЫСТАВКА КНИГ, ПОСВЯЩЕННАЯ СТОЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЧЕХОВА

Пхеньян, 1960

Литературный музей, Москва

Как выдающееся событие в истории мировой культуры широко отмечалось в Корее 100-летие со дня рождения Чехова. Торжественные собрания прошли в Пхеньяне и в других городах страны. В ознаменование юбилея писателя Государственный драматический театр Кореи осуществил постановку пьесы «Дядя Ваня». В связи с этим событием драматург Син Госон в статье «А.П.Чехов — любимый писатель корейского народа» писал: «Постановка Государственным драматическим театром «Дяди Вани» позволила нашему зрителю еще глубже проникнуть в чеховский мир. Чехов, который не только сумел так ярко отобразить мрачную действительность старой России, но и создал полновзвучную музыку стремления к жизни и любви, еще больше покорила публику.

В последней сцене, когда уезжают Серебряковы, покидает усадьбу Астров и остаются, как в прежние дни, старые обитатели, которые снова возвращаются к прежней жизни, наши зрители не могли удержаться от слез.

То, что простые люди, как Войницкий и Соня, после бури <...> возвращаются к жизни прежней и облегченно вздыхают, — это большая трагедия. В конце пьесы Соня говорит дяде Ване: «Мы отдохнем!», как бы выражая этим, что все успокоилось. Но корейский зритель прекрасно понимает, что счастливое будущее непременно наступит, как предсказывал Астров, что ради него люди должны еще активнее бороться»¹⁷.

Для воплощения ярких образов чеховского “Дяди Вани” были привлечены лучшие силы театра. Это народный артист КНДР Пэ Ен (Серебряков), заслуженные артисты КНДР Пак Енсин (Войницкая), Ли Дан (Астров), Хан Динсоб (Войницкий) и талантливая молодая актриса Ким Хёнсук (Соня).

В плане театра были и другие пьесы Чехова: “Чайка”, “Вишневый сад”, “Три сестры”, постановки которых с нетерпением ждали корейские зрители.

“О некоторых особенностях творчества Чехова” — так называется статья драматурга Хан Ука, специально посвященная 100-летию со дня рождения Чехова. Она была опубликована в журнале “Корейская литература” (1960, № 1). “Подробно анализируя и остро критикуя мрачные стороны русского общества 80-х—90-х гг. XIX в., — пишет Хан Ук, — Чехов мечтал о таком обществе, где будет ликвидирована эксплуатация человека человеком, где человек станет настоящим хозяином на этой земле... Его творчество явилось непрерывным поиском такого общества, где свободный и творческий труд получил бы всестороннее развитие.

В этом смысле творчество Чехова имеет огромное познавательное и воспитательное значение не только для русского, но и для корейского народа”¹⁸.

Далее автор сообщает основные биографические сведения о писателе, а также о литературных истоках его творчества. Он считает, например, что Чехов начал приобщаться к литературе под влиянием “Горя от ума” Грибоедова, “Ревизора” Гоголя и произведений Островского. Творчество Чехова корейский критик рассматривает также в тесной связи с общественно-политической жизнью России XIX в. В частности, он говорит о том, что первые шаги Чехова-писателя совпали с разгулом реакции в России после покушения на императора Александра II и что это не могло не наложить отпечатка на его раннее творчество.

Как считает Хан Ук, первые произведения писателя, печатавшиеся в основном под псевдонимом Антоши Чехонте, не касаются острых социальных проблем, все они являются юмористическими рассказами. “В этот период он <Чехов> считал, что писатель может стоять вне общественной борьбы. Однако здесь нельзя не заметить, что некоторые ранние юмористические рассказы, переходя обычные рамки юмора, пронизаны социальными мотивами”¹⁹. К числу таких произведений Хан Ук относит рассказы “Толстый и тонкий”, “Хамелеон”, “Смерть чиновника”, несущие “помимо смеха еще нечто очень важное и острое, что заставляет читателя задуматься”. А основными особенностями рассказов “Горе”, “Тоска”, “Унтер Пришибеев” являются “острая и беспощадная критика” современной социальной жизни. “Вместе с этими произведениями заканчивается период Антоши Чехонте и начинается период Антона Чехова”²⁰.

В произведениях Чехова второй половины 80-х гг., продолжает Хан Ук, мы видим изображение тяжелой правды жизни и в то же время устремленность писателя к светлому и счастливому будущему. “Однако эта устремленность автора не могла быть выражена более конкретно в силу неопределенности его политических взглядов и неясности идеалов. Поэтому его произведения, вселяя в нас надежду на лучшую жизнь, пробуждая добрые чувства, вызывают грустные, тоскливые мысли”²¹. Подобное можно наблюдать потому, объясняет Хан Ук, что Чехов в своих произведениях изобразил характерное душевное состояние представителей прогрессивной интеллигенции России, искавших пути выхода общества из этой мрачной действительности, и это “сближает рассказы Чехова с музыкальными произведениями Чайковского”²².

Затем Хан Ук характеризует жизнь Чехова в Мелихове как наиболее интенсивный период творчества писателя, когда им были созданы многочисленные рассказы и повести, в том числе “Палата № 6”, “Рассказ неизвестного человека”, “Мужики”, “Учитель словесности”, “Дом с мезонином”, знаменитые пьесы “Чайка”, “Дядя Ваня”. По словам автора статьи, «из этих произведений для понимания изменений в мировоззрении Чехова особое место занимают “Палата № 6” и “Дом с мезонином”».

Далее, анализируя “Человек в футляре”, “Ионыч”, “Мужики”, “В овраге”, Хан пишет о Чехове как большом мастере короткого рассказа, величайшем гуманисте, который своим творчеством поднял “русскую литературу критического реализма конца XIX в. на новую высоту”²³.

Однако «Чехов достиг невиданных высот не только в развитии жанра рассказа, но и в создании новых по форме лирических пьес, тем самым он внес огромный вклад в развитие русской и мировой драматургии <...> “Чайка”, “Дядя Ваня”, “Три сестры”, “Вишневый сад” пронизаны глубоким философским смыслом»²⁴.

Слова Астрова: “В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли”, по мнению корейского исследователя, выражают устремленность писателя к прекрасному будущему. Эта мысль более конкретно выражена Чеховым устами героини рассказа “Невеста” Нади: “О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе <...> А такая жизнь рано или поздно настанет!”

“Чехов не дождался осуществления мечты, выраженной устами героини своего произведения. Но его творения, — пишет далее Хан Ук, — имеют для нас огромное воспитательное значение, ибо его произведения вдохновляют нас двигаться к лучшему будущему, они являются для нас мощным орудием в борьбе с пережитками прошлого, человеческими пороками в повседневной жизни... В этом смысле Чехов остается дорогим для нас учителем”²⁵.

В 1965 г., в связи со 105-й годовщиной со дня рождения Чехова, в журнале “Чхонён мунхак” (“Молодежная литература”), № 2, была опубликована статья критика Юн Чжонсона “Изобразительные средства рассказов Чехова”. В ней сказано, что “по произведениям русского писателя-реалиста Антона Чехова мы учимся тому, как надо создавать пьесы... Если говорить о самых важных особенностях изобразительных средств Чехова, то таковыми являются лаконичность и простота, объективность и ясность, точность и правдивость”²⁶. Все эти черты, продолжает Юн Чжонсон, в сочетании с психологизмом и наблюдательностью писателя, его умением подмечать и сопоставлять факты, выразительность и точность языка отличают Чехова как великого художника.

Эту мысль автор статьи иллюстрирует примерами из многих произведений Чехова: “Чайка”, “Волк”, “Егерь”, “Жена”, “Хамелеон”, “Невеста”, “Унтер Пришибеев”, “Ионыч”, “Скверная история”, “Месть женщины”, “Красавицы”, подкрепляет цитатами из писем Чехова, а также ссылками на высказывания о нем Толстого и Григоровича. Свое размышление о мастерстве Чехова Юн Чжонсон завершает словами: “творческий опыт писателя и сегодня имеет поучительное значение”²⁷.

В этом же номере журнала под рубрикой “Заметки о писателях” помещена без указания автора небольшая статья под названием “Учиться друг у друга, заботиться друг о друге”. Она посвящена взаимоотношениям Толстого, Чехова и Горького. В ней, в частности, говорится, что Горький был моложе Чехова на 8 лет, а Чехов — Толстого на 32 года, «однако, несмотря на разницу в

возрасте, различия общественно-политической и идеологических позиций, они были дружны, учились друг у друга и любили друг друга.

Чехов очень любил искусство Толстого. Но это не было слепой любовью <...> Он последовательно критиковал толстовскую теорию “непротивления злу насилием”. Но это не мешало ему высоко ценить творчество Толстого <...> Чехов восторгался, читая и перечитывая “Войну и мир”, “Анну Каренину”, “Воскресение”, и в то же время выражал свое несогласие с тем, что не соответствовало жизненной логике в отношениях между Масловой и Нехлюдовым»²⁸.

Далее в статье отмечается, что и Толстой очень высоко ценил Чехова, считая его “писателем, по-настоящему знающим душу русского народа и вместе с Пушкиным и Тургеневым обогатившим русскую литературу”.

Литературный портрет Чехова вошел в “Литературно-искусствоведческий словарь”, изданный в 1972 г. издательством Академии общественных наук КНДР. Аналогичный материал, но более лаконичный, содержится также в 18 томе “Большой энциклопедии Кореи”, изданной в Сеуле в 1980 г.²⁹ В этих небольших статьях кратко рассматриваются главные вехи творчества Чехова, характеристика которых в основном перекликается с содержанием выше упоминавшейся работы Син Госона “А.П.Чехов — любимый писатель корейского народа”.

ПРИМЕЧАНИЯ^{1*}

¹ Чосон мунхак (Корейская литература). Пхеньян, 1954. № 7. С. 96–97.

² Имеется в виду японо-китайская война 1937–1944 гг.

³ Чоссо чхинсон (Корейско-советская дружба). Пхеньян, 1954. № 8. С. 10.

⁴ Новая Корея. Пхеньян, 1960. № 122. С. 37.

⁵ Чоссо чхинсон. 1954. № 8. С. 10.

⁶ Новая Корея. 1960. № 122. С. 37.

⁷ Ермилов В. Драматургия Чехова. Пхеньян, 1954. С. 1.

⁸ Чосон мунхак. 1954. № 7. С. 96.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 97.

¹¹ Там же. С. 97–98.

¹² Там же. С. 98.

¹³ Там же. С. 99.

¹⁴ Там же. С. 100.

¹⁵ Там же. С. 101.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Новая Корея. 1960. № 122. С. 37.

¹⁸ Чосон мунхак. 1960. № 1. С. 140.

¹⁹ Там же. С. 141.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 143.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 144.

²⁶ Чхонён мунхак (Молодежная литература). Пхеньян, 1965. № 2. С. 58.

²⁷ Там же. С. 65.

²⁸ Там же. С. 61.

²⁹ Большая энциклопедия Кореи. Сеул, 1980. Т. 18. С. 203.

^{1*} Вся литература, за исключением журнала “Новая Корея” (примеч. 6), — на корейском языке.